

Соловьева Ольга Алексеевна,
студентка 4 курса бакалавриата направления
«Международные отношения»,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КНР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: МНОГОСТОРОННИЕ МЕХАНИЗМЫ И ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Аннотация. Статья рассматривает энергетическую дипломатию КНР в Центральной Азии. Анализируются формат C5+1, Сианьская декларация 2023 года и роль ШОС. Показано, что Китай сочетает интеграцию региона с расширением влияния. Подчеркиваются риски долговой зависимости и технологической привязки. Отдельное внимание уделено экологическим последствиям крупных проектов.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, энергетическая дипломатия, C5+1, ШОС, региональная безопасность.

Введение

Энергетическая дипломатия КНР в Центральной Азии в последние годы стала одним из ключевых направлений внешнеполитической стратегии Пекина. Ее значение связано не только с необходимостью обеспечения стабильных поставок энергоресурсов, но и с тем, что Центральная Азия превращается в пространство пересечения интересов крупных внешних акторов. Для Китая регион важен как источник энергоресурсов, транзитный коридор и элемент более широкой евразийской стратегии[3]. Если на раннем этапе основу взаимодействия составляли преимущественно двусторонние договоренности, то сегодня Китай все чаще использует многосторонние механизмы. Наиболее значимыми из них стали формат «Китай – Центральная Азия» (C5+1) и Шанхайская организация сотрудничества. Именно через них Пекин стремится институционализировать свое присутствие и придать ему долгосрочный характер[1].

Энергетический вектор Китая

Энергетический вектор внешней политики Китая в XXI веке формировался под воздействием нескольких факторов. Во-первых, ускоренное экономическое развитие страны потребовало стабильного доступа к энергоресурсам. Во-вторых, зависимость от морских маршрутов поставок сделала особенно важной диверсификацию источников и направлений импорта[3]. В-третьих, рост международной конкуренции подтолкнул Китай к укреплению сухопутных энергетических связей. В этом контексте Центральная Азия заняла особое место[6]. Регион оказался удобен для строительства трубопроводов, развития транспортной инфраструктуры и реализации проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Китайские компании активно участвуют в финансировании, строительстве и обслуживании энергетических объектов, что усиливает взаимозависимость Китая и стран региона[2].

Формат C5+1

Формат «Китай – Центральная Азия» (C5+1) постепенно превратился из консультационной площадки в важный механизм координации. Его значение заключается в том, что он позволяет обсуждать не только политические, но и энергетические, инфраструктурные и экологические вопросы. Для Китая это удобный способ продемонстрировать готовность к коллективному взаимодействию, а не только к двустороннему влиянию[1,5].

Для стран Центральной Азии формат С5+1 также имеет практическую пользу. Он дает возможность обсуждать модернизацию энергетической инфраструктуры, цифровизацию отрасли, подготовку кадров и расширение экспорта энергоресурсов. В итоге, энергетика в рамках этого механизма становится не только экономическим, но и политическим инструментом[1]. Примером служит газопровод «Центральная Азия – Китай» (линии А, В, С, D), который обеспечивает поставки до 65 млрд куб. м газа в год из Туркменистана через Узбекистан, Казахстан и Кыргызстан, укрепляя энергетическую взаимозависимость[5].

Сианьская декларация

Сианьская декларация 2023 года стала важным этапом в развитии сотрудничества. Она закрепила курс на углубление стратегического партнерства, включая взаимодействие в энергетической сфере, развитие инфраструктуры, цифровизацию и продвижение «зеленой» повестки.

Особенность декларации заключается в том, что она переводит многие инициативы в более системную плоскость. Речь идет о синхронизации национальных энергетических стратегий стран региона с потребностями китайской экономики, координации проектов в рамках «Один пояс, один путь» и создании механизмов совместного управления трансграничными ресурсами. Это показывает, что энергетическое сотрудничество постепенно выходит за рамки отдельных сделок и превращается в устойчивую модель регионального взаимодействия. Декларация поддерживает цифровизацию проектов вроде ветряных электростанций в Казахстане (Жанатасская ВЭС) и Узбекистане, где китайские компании обеспечивают до 319 тыс. кВт мощности[1].

Роль ШОС

Шанхайская организация сотрудничества продолжает играть важную роль в энергетической архитектуре региона. В рамках ШОС энергетика рассматривается не изолированно, а как часть более широкой повестки безопасности и устойчивого развития. Это позволяет связывать энергетические проекты с вопросами стабильности, технологического обмена и экологической ответственности[4,6]. В рамках ШОС реализуются инициативы по трубопроводам, таким как линия D газопровода «Центральная Азия – Китай» мощностью 30 млрд куб. м/год, гармонизируя стандарты безопасности и экологии[3]. Документы и инициативы ШОС ориентированы на гармонизацию нормативной базы, подготовку специалистов и снижение рисков при реализации крупных инфраструктурных проектов. Для Китая это особенно важно, поскольку многосторонняя рамка помогает легитимировать его присутствие в Центральной Азии и представить его как элемент коллективного процесса[6].

Геополитическая конкуренция

Энергетическая дипломатия КНР развивается в условиях растущей конкуренции. Россия сохраняет влияние благодаря исторически сложившимся инфраструктурным и интеграционным связям. Европейский союз продвигает повестку «зеленого перехода», а США делают акцент на диверсификации маршрутов и поддержке альтернативных проектов[6]. На этом фоне Центральная Азия становится пространством соперничества разных моделей энергетической безопасности. Китайская модель опирается на инвестиции, инфраструктурную связанность и невмешательство. Это делает ее привлекательной для стран региона, однако одновременно усиливает зависимость от китайского капитала, технологий и логистики[5].

Риски и ограничения

Несмотря на заметные успехи, китайская стратегия в регионе связана с рядом рисков. Одним из них является опасение долговой зависимости, особенно в странах с ограниченными финансовыми ресурсами. Другой риск – высокая доля китайского оборудования в энергетической инфраструктуре и, как следствие, технологическая привязка к китайским поставщикам и сервисным компаниям[3,4].

Серьезное значение имеет и экологический аспект. Крупные энергетические и инфраструктурные проекты могут оказывать воздействие на трансграничные реки, почвы и экосистемы. Поэтому долгосрочная устойчивость китайской модели требует прозрачности, независимого контроля и соблюдения международных стандартов[4,5].

Заключение

Энергетическая дипломатия КНР в Центральной Азии представляет собой сложный механизм, в котором экономические, политические интересы и безопасность тесно переплетены. Форматы С5+1 и ШОС позволяют Китаю институционализировать свое присутствие и укреплять влияние в регионе. Вместе с тем данная стратегия сталкивается с конкуренцией внешних акторов, рисками зависимости и экологическими ограничениями. Поэтому энергетическое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии следует рассматривать как важный, но противоречивый фактор формирования новой региональной архитектуры безопасности.

Список литературы:

1. Лексютина Я. В. Дипломатия Китая в Центральной Азии: механизм многоуровневых партнерств и многосторонние платформы // Постсоветские исследования. – 2025. – Т. 8. – №2. – С. 114-126.
2. Ли С. Влияние структуры китайских аналитических центров и механизмов их взаимодействия с правительством на эффективность энергетического сотрудничества КНР со странами Центральной Азии (2001–2025 гг.) // Международные отношения. – 2025. – № 4. – С. 26-38.
3. Семенова Н. К. Китайский энергетический вектор: значение ШОС и безопасность в Центральной Азии // Восточная аналитика. – 2012. – № 3. – С. 144-160.
4. Чэнь Ф. Энергетическое сотрудничество Китая с иностранными государствами как приоритет его внешней политики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2025. – №2(859). – С. 53-61.
5. Хлопов О. А. Особенности энергетической стратегии КНР в Центральной Азии // Молодой ученый. – 2018. – № 24 (210). – С. 259-264.
6. Цао Х. Анализ стратегий Китая и США в Центральной Азии: взгляд на механизм «С5+1» // Право и политика. – 2024. – № 10. – С. 22-39.

